

Предисловие

Мой отец, Николай Александрович Першанин, родился 29 января 1925 года в небольшом селе Чамзинка Инзенского района Ульяновской области. В живописных местах верховья Волги, недалеко от реки Сура. Родители — простые колхозники. Детей в семье было четверо: два сына и две дочери. Отец самый младший.

Семилетку закончил на «хорошо» и «отлично». В потертом свидетельстве об окончании школы стоят отличные отметки по алгебре, естествознанию, истории, географии. Почему-то нет графы «физкультура». Упоминаю об этом потому, что отец был очень сильным физически, занимался спортом, а его мощным плечам и бицепсам я поражался, будучи даже взрослым.

С четырнадцати лет работал в колхозе, а в декабре 1942 года ушел добровольцем в армию. Отца отправили в учебную часть под городом Инза, где он вначале проходил подготовку в пехотном батальоне, а затем был направлен в школу снайперов в этой же учебной части. В августе 1943 года отец ушел на фронт. Среди его старых документов, орденов и медалей, которые я бережно храню, имеются записи: август—декабрь 1943 года — 295-й стрелковый полк, Первый Украинский фронт — снайпер, декабрь 1943 — фев-

Владимир Першанин

раль 1944 года — полевой госпиталь, февраль — апрель 1944 года — снова снайпер, затем пять месяцев офицерских курсов и остальные вехи боевого пути. Обо всем этом у меня сохранилось достаточно много записей, отдельные из которых публиковались. Но сейчас, собрав все записные книжки, документы и награды отца, расспросив еще раз родню и своих земляков, изложил его военную биографию. Далеко не простую. Снайпер, командир взвода, командир штрафной роты. Хочу, чтобы эта документальная повесть осталась памятью об отце.

Считаю вправе, для большей точности, вести рассказ от имени отца — от первого лица.

ЧАСТЬ 1

Снайпер

Чамзинка — село небольшое. До станции Инза двадцать пять километров дороги, петляющей по лесу и холмам. До семидесятых годов проехать эти двадцать пять верст было проблемой. Чернозем, раскисая в апреле, а потом обильно политый весенними дождями, превращал дорогу в такое месиво, что от станции до села добирались порой целый день. Впрочем, до войны эта проблема остро не стояла. По всей округе едва набиралось полдесятка полуторок и единственная трехтонка ЗИС-5, на которые каждый раз сбегались смотреть и дети и взрослые.

Весь транспорт был гужевой. Лошадки терпеливо тащили по грязи, по глубоким колеям, смерзшимся буграм и сугробам груз на станцию: зерно, картофель, лес. Назад чаще всего возвращались пустые, разве что земляки из района подсаживались. Деревню шибко не баловали. Вместо денег шли палочки-трудодни. С какими трудностями копил я деньги на балалайку и модную красную рубашку! По медякам собирал, а ведь работал в колхозе как взрослый, с четырнадцати лет.

Музыканта из меня не получилось. Не оказалось «музыкального слуха» — слов совершенно непонятных. Как я считал, пел я неплохо. Орал вместе со всеми частушки, одну из которых запомнил. Сейчас бы ее назвали похабной, но в конце тридцатых годов она считалась остроумной и даже веселой:

Владимир Першанин

Как в Зареченском колхозе,
Девоч велят на навозе,
Их там мнут, они визжат,
Брызги в стороны летят.

Пели, конечно, и хорошие песни: «Катюша», «По-едем, красотка, кататься» и многие другие. Оглядываясь на себя, шестнадцатилетнего, кудрявого, крепко сбитого мальчишку, вспоминаю, что некоторые девушки были не прочь со мной дружить. Но я отчаянно завидовал гармонисту и балалаечнику. Кто-то пообещал мне сделать самодельную балалайку, надо только длинных волос у лошади из хвоста надергать.

Вылазка за конским волосом едва не закончилась для меня трагически. Кобыла на колхозной конюшне, считавшаяся более смиренной, чем другие, так уделала копытом в плечо, что я отлетел метра на три. Повезло, что не разбила челюсть или ключицу. Недели две сходил с плеча огромный синяк. Да еще от отца вожжами досталось.

На балалайку где-то за полгода я денег все же накопил. Вместе с дружкой отправились в Инзу, где долго выбирали инструмент покрасивее. Принес домой. Радовался не меньше, чем сейчас радуются парни новой дорогой автомашине. Но с учебой не заладилось. Научился кое-как тренькать «Светит месяц» и на этом все. Не было этого чертова музыкального слуха, хоть лопни! Балалайку положили в дальний угол, а спустя время, моя мама, Ульяна Ивановна, ее продала и купила мне красную рубашку.

Хотя мои воспоминания о Великой Отечественной войне, но я хочу хоть вкратце рассказать о последних предвоенных годах. О жизни деревни, в которой жил я, моя многочисленная родня и были похоронены несколько поколений предков. Отец у нас был строгий, бездельников не терпел. Не считая дел

Командир штрафной роты

по дому, возни с огромным огородом, сенокосом, заготовкой дров, все дети, начиная с четырнадцати, уже где-то работали. В том числе и обе сестры. Может, поэтому и не голодали, хотя еда была простая. Мясо ели зимой, да и то по праздникам и воскресеньям. А в остальное время очень редко: если овца захромает или несушке срок приспел. Вареную курицу съедали целиком от головы до лапок.

Основная еда: картошка, гороховая или пшенная каша, молоко, хлеб. Налоги платили большие, и молока не хватало, не говоря о сметане или масле. Но главной едой в моей родной Ульяновской области считалась, да и сейчас считается картошка, которая дает богатые урожаи. Ели ее вареной, гораздо реже — жареной. Лакомством считалась картошка, томленная в русской печи на молоке с хрустящей корочкой сверху. Очень вкусным был домашний ржаной хлеб, печенный на капустных листьях, но и его доставалось далеко не досыта. Кстати, хлеба, как и многих других продуктов, в нашем сельмаге не продавали. Помню, как по весне мама пекла «пресняки» — пресные лепешки, густо нашпигованные зеленым луком и кусочками вареных яиц. Пресняки считались лакомством. Но с началом войны в муку стали добавлять лебеду, липовые листья. Вкус у хлеба и пресняков был уже не тот.

Крепко выручали овощи. Огороды у всех были большие. Земля хорошая, давала большие урожаи капусты, тыквы, свеклы, огурцов. Тыкву запекали большими ломтями в русской печи. Это было для нас сладкое блюдо, что-то вроде современных пирожных.

В нашем селе очень любили рыбу. Но до реки Суры было двадцать километров — большое расстояние по тем дорогам. Рыбаки продавали улов в ближних селах. До Чамзинки мало что доходило. А в мелкой речушке

за селом ловились пескари да голавли, чуть больше пальца. Но мы со старшим братом Федором иногда не ленились встать до рассвета и, когда везло, приносили на куканах из ивовых прутьев, чтобы все видели, какие мы удачливые рыбаки, десятка три-четыре мелочовки. Как раз хватало на большую сковороду. Рыбешка мелкая, и мать разбивала в жареху несколько яиц. Получалось вкусно и сытно. Съедали до косточки, кошке мало что доставалось.

Слово «колбаса» для меня было незнакомо. Не хватало многого. Особенно сахара. Однажды родители привезли из города несколько килограммов сахара-песка и давали детям его буквально по крохам. Не в силах преодолеть соблазн, я заползал под кровать, где в нескольких мешочках, завязанных на хитрые узлы, хранился сахар, и не рискуя развязывать их, сосал, как сладкие леденцы, уголки мешочков. Если бы поймали, досталось бы крепко!

Помогал лес. На зиму, по особому рецепту, солили в бочках грузди, лисички. Рецепт был старинный. Грибы не варили, а, хорошо отмочив, пересыпали солью, клали листья смородины, и грибы доходили до готовности около двух месяцев. Вкусная штука! Обычно в каждой семье в погребе стояли по две-три бочки грибов. Белые грибы, подберезовики, маслята сушили связками. Их часто привозят в Волгоград из Ульяновских деревень, и я всегда узнаю эти связки.

В лесах всегда хватало орехов и ягод: особенно земляники и малины. Но делать варенье возможности не было — сахара не найти. Однажды деды прослышали, что на севере клюкву или морошку замачивают в воде. А урожай малины в тот год был очень богатый. Ведрами таскали малину в погреб и заливали ее в бочках водой. Конечно, через несколько дней она пропала. Вот жалость была!

Старший брат Федор лет с пятнадцати крепко увлекся охотой. Все свободное время проводил в лесу. Вначале его гоняли:

— Навоз не убран, а он с берданкой шатается.

Но Федор очень метко стрелял и почти каждый раз приносил зайца, иногда — двух. Мать тушила зайчатину в чугушке со свиным салом и картошкой. Федора стали хвалить. Даже вместо старой берданки 32-го калибра, из которой в любую дичь попасть трудно, купили одностволку 16-го калибра. Федор стал брать на охоту и меня, и я тоже со временем научился неплохо стрелять из берданки. Правда, дичи добывал гораздо меньше, чем Федор. Слабенькое и старое у меня было ружьецо. В узких латунных гильзах помещался десяток самодельных дробинок. Но шишки с сосен я сшибал довольно точно, раза два сбивал даже тетеревов, добыл несколько зайцев. Может, позже это помогло мне метко стрелять из боевой винтовки и пройти отбор в снайперскую школу.

Места, где я родился и вырос, можно назвать глухими. Много в селе было неграмотных. Об электричестве только в газетах читали. Некоторые, уже взрослые люди, железной дороги не видели. Словом, много чего не знали мы, с чем были хорошо знакомы городские жители. Но в моей памяти деревня тридцатых-сороковых годов, хотя и бедная, плоховато одетая, мало читающая, имела веками накопленный разумный подход ко всему. Иначе бы не выжили.

Вот простой пример. Мои уцелевшие друзья-фронтовики откровенно признавались: «Война нас сильно попортила. Пить водку научила...» А ведь это верно. В деревнях родной моей Симбирской губернии до войны пили мало: на праздники, по воскресеньям (да и то не каждое). Употребляли чаще всего брагу, настоящую на красной смородине, реже — водку. А само-

гон, его у нас называли «перегонка», гнали либо уж на совсем большой праздник, либо пьяницы, которых в деревне можно было пересчитать по пальцам. Почему так? Традиции, воспитание и, конечно, привычка к труду. Пьяницу-сына нещадно шпыняла вся семья, жена, издевались соседи. А когда начинали вспахивать, засеять огромные огороды, шли на колхозный покос, себе для скотинки участки косили да работали на уборке, всем было наплевать, с похмелья ты или нет. Хоть падай, а работай. Или сбегай из села. Ищи городского счастья, где тебя никто не ждет.

Мои земляки трезво видели сильные и слабые стороны колхозов и советской власти. Конечно, к колхозам из-за нищей оплаты, уравниловки, почти крепостной зависимости от местных властей относились в основном отрицательно. Но и признавали, что от голода никто не помирал. Даже в самые неурожайные годы люди знали, что умереть им не дадут. Я не беру коллективизацию, тупое раскулачивание, о котором мало что знал, а вспоминаю период, когда в тринадцать-шестнадцать лет что-то уже соображал, то бишь в тридцать восьмом — сорок первом годах.

Многие в селе охотно читали газеты. Пусть урезанные цензурой, как вся тогдашняя печать, порой просто брехливая, но все же окошко в большой мир, где руководит страной великий Сталин, на Кубани собираются сказочные урожаи, а япошкам на Халхин-Голе так намылили шею, что удирали без оглядки.

Кому-то покажется сусальной такая картина. На ступеньках сидит мой отец Александр Афанасьевич и читает вслух газету, а вокруг пять-шесть человек соседей слушают, обсуждают. Кстати, отца за грамотность и авторитет среди сельчан назначали (или избирали) раза два председателем сельсовета. Он привил мне и старшему брату Федору, проработавшему после вой-

ны много лет начальником почты, любовь к чтению. В пятидесятых годах, проходя службу на Дальнем Востоке, мы с офицерами обсуждали роман Алексея Толстого «Гиперболоид инженера Гарина». Многие под влиянием прошедшей войны воспринимали гиперболоид как реальное, мощное оружие, возможно, где-то применявшееся.

Я любил приключенческие, военные книги с детства. Жюль Верна, Луи Буссенара с его бессмертным «Капитаном Сорви-голова», Аркадия Гайдара. А мой брат Федор с женой, преподавательницей русского языка и литературы, собрали после войны целую библиотеку журнала «Роман-газета», которую перечитали многие друзья и соседи.

Мой дед, Афанасий Александрович Першанин, великолепно вырезал из дерева. Годов до семидесятых сохранилась метровая, тщательно вырезанная из липы, покрытая лаком фигура Степана Разина с орлом в поднятой руке. Одно крыло у орла отломилось, и статуя пошла трещинами, но работа была мастерская.

Война пришла, как и для большинства наших людей, неожиданно. После недавнего сообщения ТАСС о том, что у нас с Германией мир и дружба, в первые часы 22 июня царил неразбериха. Моя бабка утверждала, что на какую-то страну напал Сталин. Что, впрочем, неудивительно после «победоносных походов» на Западную Украину, Белоруссию, захват Прибалтики. Кто-то высказывал другие версии, но в двенадцать часов дня речь Молотова поставила все на свои места. Гитлер напал на Советский Союз!

Мне было шестнадцать. Как и многие ровесники, я рвался на фронт. Не сомневался, что мы победим. Комсомолец, ворошиловский стрелок! Молодежь верила в быструю победу. Воспитанные на романах и фильмах «Если завтра война», «Первый удар», мы

представляли войну такой, какой нам ее показывали. С лубочными толстыми фашистами, в рогатых касках, которых мы сметем нашими мощными танками, самолетами, лавиной конницы, а немецкий пролетариат нам поможет.

Между тем, уже много позже, обе бабушки и мать рассказывали мне, что слухи о будущей войне тайком ходили среди старшего поколения с весны сорок первого. Потихоньку запасались солью, спичками, мылом. Запаслись бы и сахаром, да его не было. В июне в окрестные села приехали несколько семей с приграничных краев. Напуганные, они помалкивали, но близким родственникам рассказывали:

— Гитлер такую огромную армию у границы собрал!

Повестки стали разносить уже в первый день войны. И потянулись рано утром в понедельник 23 июня похмелившиеся, крепко на взводе, мужики на станцию Инза. Что там двадцать пять километров да под гармошку. Водка, сало, вареные куры, яйца. Пей, Никита! Наяривай, Иван! Расшибем фашистскую курву!

Я тоже в тот понедельник рано проснулся. Дядьку, еще кого-то из родни провожал. Женщины кричали, плакали. Такой вой стоял, жуть. О столбы головой бились. Матери, жены сразу почувствовали, что никто из тех июньских призывников домой не вернется.

В конце июня ушел на фронт старший брат Федор, а спустя месяц — отец. Дом сразу опустел. Из мужиков дед Афанасий да я остались. Что про сорок первый и сорок второй сказать? Работа от темна до темна в колхозе да еще семейное хозяйство тянули. Разумеется, как и везде, без выходных. Уставал страшно. Особенно на полевых работах, уборке, косовице, где по пятнадцать-шестнадцать часов работали. На возраст не смотрели.

Жили событиями на фронте, ждали писем от брата и отца. Федор воевал под Ленинградом. Отца перекидывали с места на место, хоть и возраст за сорок. Раза два был ранен. Федора тоже ранили, но писал он о себе скупно. Главное — оба живые.

Весной сорок второго уже крепко давал о себе знать голод. Сильно урезали хлебные нормы, даже картофеля не хватало. Весной на колхозных полях собирали остатки неубранной мерзлой картошки, которая годилась только на крахмал, и варили кисель. Конечно, без сахара. В лучшем случае, с молоком. Некоторые женщины из особенно бедных семей ходили по ночам на скотомогильник. Отрубали куски мяса подошедших от голода лошадей. Долго варили жесткое, жилистое мясо и кормили всю семью.

А уж как обходились в сорок третьем и сорок четвертом годах — не знаю. Тогда голод повсеместно царил. А с колхозного поля попробуй горсть зерна или пару картофелин унести! Тогда по мелочи не разменивались. Пять или десять лет лагерей. Но это уже было без меня.

В середине декабря 1942 года, в самый разгар боев под Сталинградом, после очередного заявления, я ушел добровольцем в армию и был направлен в учебный полк, недалеко от города Инза.

Мне, семнадцатилетнему мальчишке, было трудно разобраться в системе подготовки учебного полка. Кто-то, получив обмундирование и пробыв в полку считанные дни, уезжал. Куда? В училище, на фронт? Мы не знали. Наверное, все же на фронт.

Другие проходили трех-, шестимесячные курсы. Готовили бойцов и младших командиров разных специальностей. Некоторые роты считались секретными. В них нас не пускали. Возможно, там готовили де-

сантников, радистов, может, еще кого-то для заброски в немецкий тыл.

Расскажу свои первые впечатления. Военный городок был расположен в лесу. КПП, высокий забор, ворота. Нас, человек под триста, поместили в длинную бревенчатую казарму. Две учебные стрелковые роты. Двухэтажные койки, матрацы и подушки, набитые сеном. Самодельные тумбочки и табуретки, комната для занятий и Ленинская комната. В них — грубо сбитые столы для занятий и такие же табуретки. В комнате для занятий — схемы устройства винтовки Мосина (нашей знаменитой «трехлинейки»), станкового пулемета «максим» и ручного Дегтярева. Их технические данные. Особое впечатление производил знакомый по фильмам, а особенно «Чапаеву» станковый пулемет «максим», с прицельной дальностью стрельбы три тысячи метров и скорострельностью восемьсот выстрелов в минуту.

— Вот это штукавина! — восхищались мои ровесники. — За три километра фашистов можно лупить. За десять минут восемь тысяч пуль выпускает!

Мало кто знал, что громоздкая знаменитость Гражданской войны, весом под семьдесят килограммов, с уязвимым водяным охлаждением, уже устарела и уступала немецким МГ-34. За три, да и за два километра никто из «максима» не стрелял и уж тем более не пытался выпустить восемьсот пуль в одну минуту. Но мы в него верили, и это главное. Свою роль надежный и неприхотливый «максимка» в Отечественной войне сыграл и воевал до самой Победы. Хотя позже, сколько придется мне увидеть разбитых немецкими минами и легкими пушками наших «максимов», издали заметных из-за своих размеров. Их расчет не успевал достаточно быстро сменить позицию, надежно укрыться. Для «максима» и расчета целый окоп нужен.

В Ленинской комнате в хорошо сработанных рамках — портреты В.И. Ленина и И.В. Сталина. Два вождя. Ленин — в пиджаке и кепке, Сталин тоже одет довольно скромно. Скажу откровенно, понравится кому или нет, но Сталина я уважал. Несмотря на все колхозные неурядицы, бедность, воспоминания о раскулачивании, отец и мать привили мне уважение к вождю. Не скажу, что дифирамбы Иосифу Виссарионовичу пели, но верили, надеялись на него. И оправдание нашей бедноте находили. Враги со всех сторон! Поэтому тяжелую промышленность создаем, армию укрепляем — надо потерпеть. А сколько терпеть — никто не спрашивал.

Ленинская комната была оформлена как музей. И различные фотографии И.В. Сталина, его высказывания, намалеванные на плакатах корявыми буквами, статьи. Здесь же фотографии членов Комитета обороны и красочные листовки, где наши бойцы, придавив гада-фашиста крепким сапогом, вонзали ему штык в брюхо. Висели листовки с фотографиями и описаниями подвигов Виктора Талалихина, Зои Космодемьянской, Николая Гастелло и других Героев Советского Союза.

Морозы стояли в декабре градусов под двадцать, а ночью — все двадцать пять. Две металлические печки топили непрерывно, благо дров хватало. На ночь, кроме белья и одеял, накрывались шинелями. Терпеть можно, хотя вода в ведрах на полу замерзала.

Что меня разочаровало, так это военная форма. Получил я старую гимнастерку, заштопанные шаровары, прожженную шинель и шапку, которую до меня носили человек пять. Мы с дружкой, Никитой Лыковым, рассчитывали, что нас оденут во все новенькое, обязательно сфотографируемся и пошлем карточки родителям и друзьям. К сожалению, наша форма не

годились для парадных снимков, да и фотографировали в полку только на партийные билеты и другие важные документы.

Впрочем, я немного успокоился, когда узнал, что в одном из соседних учебных батальонов ребята ходят еще в домашних обносках. Не хватало красноармейской формы. И хотя мы знали, что на фронте туго, но всей трагичности обстановки конца сорок второго года еще не понимали. Ура! Немцев бьют под Сталинградом. Много позже я узнал, что расхожее мнение о том, что как началось наступление 19 ноября 1942 года, так мы и погнали фрицев — не совсем соответствует истине. Пока мы осваивались в городке и начинали учебу, под Сталинградом до самого последнего дня, до 1 февраля 1943 года шли ожесточенные бои. Немцы прекратили сопротивление только после приказа своего командования.

И все же это было самое мощное и победоносное наступление за полтора года войны. И наша учеба шла под впечатлением битвы под Сталинградом. О наступлении, а позже о разгроме немцев на Волге шла речь и на политзанятиях, и на комсомольских собраниях, и во время учебы. Помню, как замполит Богородский, туго паковавший свой объемистый живот в портупею, втолковывал нам:

— Вы понимаете? Впервые, с тридцать девятого года, фашистам нанесли такой мощный сокрушающий удар. Тридцать с лишним дивизий, целую армию, наши добивают в окружении. Гитлеру дали понять, что вся его стратегия летит к чертям. И Красная армия, под руководством великого Сталина, знает, как надо воевать, не оставляя врагам шансов спастись.

Замполит говорил еще очень много всяких умных слов, часть которых мы не понимали, но задавать вопросы стеснялись. Кроме нас, деревенских, с образо-

ванием зачастую четыре-пять классов, в роте были и городские ребята из Челябинска, Ульяновска, Куйбышева. Они не упускали случая подколоть, когда кто-то из моих земляков путал ученые слова или задавал простодушные вопросы.

Правда, сильно выделяться у них не получалось. Наши, сельские, привыкшие с детства к труду, были крепче физически. Без труда подтягивались на турнике, ловко прыгали через «козла» (в селе сколько в чехарду играли), быстро осваивали другие физические упражнения. Конечно, среди городских были и настоящие спортсмены-разрядники, но хватало и слабаков, болтавшихся на турнике, как лапша. Да и дров наколоть, а две печки пожирали их огромное количество, как правило, ставили нас. Мы делали это быстро и ловко.

Старший политрук Богородский, «духовный отец» нашей роты, служил под Смоленском. У него было двое или трое детей, старики на руках, и он успел эвакуировать свою большую семью в нашу Ульяновскую область буквально под бомбами. Богородский немного воевал, был ранен, а затем сумел получить направление в учебный полк. Он боялся фронта. Особенно это было заметно, когда время от времени вместе с выпускниками отправляли на передовую наших преподавателей. Заменяли их фронтовиками, выписавшимися из госпиталей, а нередко ловкачами, втесавшимися в «учителя». Хотя, как они могли научить нас воевать, не нюхая фронта?

Над боязнью Богородского попасть на передовую мы втихомолку подсмеивались. Много позже я понял, что старший политрук, успевший нюхнуть мясорубку сорок первого года, больше чем за себя, боялся оставить без кормильца свою большую семью, непривычную к деревенскому труду и быту. Он переводил им

всю свою зарплату и даже пересылал мелкие подарки (лепешки, сало, яйца), иногда перепадавшие ему от родителей курсантов.

Богородский хорошо знал — и в сорок втором году с фронта живыми практически никто не возвращался. Разве что без руки или без ноги, а то и вообще без конечностей. В Инзе я уже видел такого бедолагу. Ноги, оттяпанные по самое никуда, одна рука, тележка, утопающая в грязи, и засаленная шапка со звездой — для милостыни. Но разве семья может служить оправданием для трусости? В нашей семье отец и брат Федор больше года воевали, и я добровольцем пошел.

Богородский неплохо к нам относился, не орал, когда мы засыпали на его «проповедях». Просто приказывал встать, и парень потихоньку очухивался. Как и многие преподаватели, он нес много ненужного, и я бы сказал, вредного. Это я понял позже, на фронте. Нельзя недооценивать и пренебрежительно относиться к врагу. А ведь из речей таких «наставников», как наш замполит, следовало, что техника и оружие у нас самые лучшие, немцы почти разбиты. От залпов «катюш» фрицы поголовно кладут в штаны, а танки Т-34 и КВ («Клим Ворошилов») практически невозможно подбить. Такая у них мощная броня и такие у немцев хреновые пушки. Хотя в сорок втором году немцы уже активно применяли подкалиберные и какой-то процент кумулятивных снарядов, пробивающих броню и «тридцатьчетверок» и КВ. Сколько их сгорело и погибло людей в бездарном весеннем наступлении под Харьковом! Но об этом предпочитали умалчивать и тем более «не пугать курсантов».

Ну ладно, бог с ним, с Богородским! Начал я, наверное, не с самого главного. Чтобы закончить тему, скажу, что ходили сплетни, что наш замполит ходит в сорок лет всего лишь «старшим политруком» из-за сво-

ей фамилии. Ну, это, по-моему, чушь. Говорили еще, что у Богородского не все в порядке с происхождением, а держат его как грамотного политработника.

В январе морозы шарахнули под тридцать и больше. В казарме стоял колотун. Спасало только движение. В шесть часов, еще в темноте, подъем, зарядка, пробежка с километр. Потом довольно сытный завтрак: каша (чаще с подсолнечным маслом), увесистая четвертушка хлеба, настоящий горячий чай, порция сахара. Кто не наедался и был, по мнению начальства, слишком худым, получали иногда добавку. Я хоть и выглядел крепышом, но в дополнительной кружке чая мне не отказывали. Я и сахар делил всегда на две кружки. Как в поговорке говорилось: «Чай не пил — какая сила!»

Много занимались тактическими занятиями, но в основном однообразными: «Взвод в обороне» или «Взвод в наступлении». Учились ползать по-пластунски. Мороз, снегу по колено, а где и по пояс, а мы ползем с деревянными винтовками. Впрочем, снег уминали быстро. Если за ночь свежего не подвалит, то в радиусе километра он был примят нашими животами и ботинками.

Боевые винтовки и валенки мы получали при заступлении в караул, а «штатным оружием» пока были деревянные винтовки и доски-трещотки, которые изображали пулеметную стрельбу. Хоть и посмеивались мы над деревяшками, но в основном все понимали серьезность происходящего. Позже, на фронте, мне иногда приходилось видеть маршевые роты, брошенные с ходу в бой, не прошедшие нормальной подготовки. И как ползли новобранцы на четвереньках, а пули и осколки валили их, не прощая лишних тридцати-сорока сантиметров, которые выпячивали над землей свежееиспеченные бойцы.

Запомнился командир нашего второго взвода, лейтенант Морозов. За глаза мы именовали его коротко — «Мороз». Лихой парень, лет двадцати с небольшим, прошедший передовую и пробывший там не месяц-два, как Богородский, а воевавший с сорок первого, дважды раненный и направленный учиться, как надо воевать, нас, сопляков.

Отчаянный матерщинник, всегда в куртке (шинель Морозов надевал только на строевые смотры), в начищенных яловых сапогах и кобуре с ТТ, которая висела на ремне совсем не так, как у других преподавателей. Ближе к животу, что ли, или как-то еще, но удобно. Чувствовалось, что хорошо повоевавший лейтенант нашел ей правильное место и выхватывал пистолет в считанные секунды. По слухам, Морозов, выбираясь из окружения, застрелил пять или шесть немцев и вывел целую роту.

Он умел заразить нас азартом настоящего боя, забыть, что винтовки деревянные и мы находимся в глубоком тылу. Обычно четыре взводных отделения Морозов делил на две группы. Одна наступала, другая оборонялась. Мы, кто помоложе, порой в такой азарт входили, что, сцепившись, расшибали и носы друг другу и прикладом так получали, что отходили потом полдня.

Запомнились мне перекуры, когда солидно сворачивали самокрутки и взводный рассказывал по нашим просьбам о войне. Что мне запомнилось? Лейтенант говорил много о немецкой авиации. Учил нас сразу искать укрытие или просто падать и не шевелиться. Жестикуюлируя левой ладонью, с огромной багровой вмятиной, он говорил быстро, глотая окончания слов:

— Самый поганый самолет — «лаптежник» (имелся в виду немецкий пикировщик Ю-87). Бронированная

сука, пузо, как у судака, блестит. Целую тонну бомб тащит. Два пулемета впереди да еще один у стрелка с тылу. Пикирует с таким воем, что молодежь с перепугу из окопов выскакивала. А ему только этого и надо. Высыплет с полсотни осколочных десятикилограммовок. Где руки, где ноги оторванные валяются. Или фугаску с полтонны шваркнет, но это уже по цели. По укреплению, по тяжелой батарее. Земля трясется, подбрасывает людей, а ты не робей. Все равно мимо! Свою бомбу не услышишь, да и редко прямые попадания случаются.

— А если его из винтовки? Да целым залпом? — спрашивал кто-то из молодняка.

— Бесплезно, — отмахивался взводный. — Во-первых, взводом не получится, половина в землю влипла и себя не помнят. Находились ребята, били из винтовок и «дегтярей». Иногда попадали, но лишь искры летели. Броня! «Лаптежника» пушкой только возьмешь или, на крайняк, из крупнокалиберного пулемета. Да и врезать, знать куда надо. Спереди в мотор или в хвостовину очередь засадишь, тогда хоть какой-то шанс.

— А «шанс». Что это такое? — спрашивал мой дружок, Никита Лыков.

Лейтенант терялся, толком не умея объяснить.

— Ну, возможность. Удача.

— И сбивали?

Мороз усмехался:

— Я лично такого не видел. Но пугали фрица хорошо. Ударит по броне очередь, он сразу вверх. Бомбы куда попало сыпет, а другие самолеты высоту спешно набирают. Значит, и бомбежка не такая точная.

Много разного рассказывал нам взводный, а может чего и лишнего. К тому же заложить за воротник любил. Во взводе половина ребят местные. Матери, бра-

тъя, сестренки их навещали. Лейтенант, добрая душа, бывало, на целый день отпуская, только чтобы он место знал. В случае чего сбегать и привести, если начальство хватится. Ну, почти каждая мать бутылку, а то и две приносила. Сала, грибов. Просят: «Может, моего здесь оставите. Сделайте, а мы в долгу не останемся».

В общем, через полтора месяца собрал наш лейтенант вещишки. Тощий вещмешок, полевая сумка, потертая кобура с ТТ. Попрощался и, возглавив группу курсантов-выпускников, двинул на фронт. Хотя и не слишком правильный по требованиям учебного полка, но Морозов был хорошим командиром. На передовой за спинами бойцов наверняка не прятался. Такие быстро гибли. А бывало и наоборот. Сам позже убеждался. Отгоняли они своей отчаянностью смерть, или она щадила их. Ранят, отлежит в госпитале и снова на передовой. И чаще в невысоких чинах. Для меня мой первый взводный, несмотря на короткий срок пребывания, остался примером во многом. Суэта излишняя мне только не нравилась и пристрастие к спиртному.

А через пару дней нам определили нового взводного. Лейтенанта по фамилии Елагин. На «отлично» училище в Челябинске закончил. Весь отглаженный, в новенькой шинели, с таким же новым пистолетом ТТ в кобуре. Но не так кобура висела, не по-фронтному. И пять фрицев на счету лейтенант-отличник не имел.

Немного расскажу о нашем взводе. Конечно, никакой дедовщины, которая выросла в шестидесятых годах, не было и в помине. Отношения были проще. Но люди были разные. Если начну разливать, какие мы были дружные да хорошие, не совсем правдиво получится. В основном было нам лет по восемнадцать-двадцать, некоторые постарше, а человек шесть — совсем «старички», под сорок лет.

Старики держались отдельной кучкой. Вели негромкие, не слишком веселые разговоры, а на нас, сопляков, особенно когда мы начинали беситься, играть в «угадай» с крепкими затрещинами и воплями или устраивали потасовку во время «атаки», смотрели, как на щенят. Задевало нас и когда они посмеивались над нашими брехливыми рассказами о любовных делах. Большинство только на посиделках девок тискали, а что-то большее нам не позволялось. Тем не менее мы несли такую ахинею, за которую мне и через три десятка лет бывало стыдно.

Получалось так, что мы держались небольшими группами. Сбивались в кучку земляки. Некоторые хоть и с разных концов страны, но знакомились и становились «корешками» еще в поездах, на пересыльных пунктах. Но это было чисто условное деление, когда собирались вместе покурить, вспомнить родные места, опустошить полученную от родных посылку, не забыв отделить что-то старшине. На занятиях, учениях, мы держались взводом, и столкновений или неприязни между группами практически не было, если не считать некоторой напряженности в отношениях с городскими. Да и то не со всеми.

Мне лично не нравился один парень из Саратова. Звали его Олег. Он закончил десятилетку и курс какого-то института. Обычно таких сразу брали или в военные училища, или на курсы младших лейтенантов, но Олег почему-то учился «на рядового». Хотя имелись в полку и пулеметный и саперный батальоны. И другие подразделения специалистов. Высокий, крепко сложенный, он был очень самолюбив. Помню, что с нашим первым взводным у него были стычки. С ним вместе держались еще человека четыре, хоть и попроще, но зараженные высокомерием «Вещего

Олега». Такую кличку ему присвоили, а потом сократили до более простой «Вещун».

Он любил громко рассуждать о фронтовых делах, хорошо знал историю. Сравнивал нападение Гитлера с бесславным походом Наполеона. Безапелляционно высказывал свое мнение о любых событиях, людях. Олег язвил, когда его не слышали, в адрес наших командиров отделений из сельских ребят.

— Ты чаво? — передразнивал он Никиту Лыкова, первого, получившего «младшего сержанта» из всех нас. — Надьсь это было, а не вчерась!

— Чего ты ехидничаешь? — не выдерживал я. — Завидно, что не тебя на отделение поставили?

— А тебе-то чего надо, «пресняк луковый»! — огрызнулся Олег.

Эту кличку он пытался приклеить мне после одного из разговоров, когда мы, голодные, на занятиях в лесу, обсуждали, кто бы чего съел. Сlopали бы мы все, что угодно, хоть черствый хлеб без воды. Но вспоминали вкусные вещи. Кто что любил. А я вспомнил горячие, пахнущие домашним подсолнечным маслом «пресняки» с луком и яйцами. Сельские ребята согласились, что штука вкусная, а Олег завел никчемный хвастливый разговор о «тортах» (я и не знал такого слова), о шашлыках, копченой колбасе. И получилось, что мы, простота деревенская, в жизни ничего слаще лепешек с луком не едали и вообще жизни не видели. Цапнулись мы тогда, но спор быстро прекратил Никита и перевел разговор на другую тему. Кличка ко мне не приклеилась, а называли меня чаще Колян. Нормально и просто.

Но спустя неделю мы крепко сцепились с Олегом, когда дежурили на кухне. Пилили двуручной пилой дрова. Олег владел пилой плохо, злился, что-то шипел. Я не выдержал:

— Это тебе, Вещун, не языком трепать. Тяни сильнее на себя.

Олег опешил и обозвал меня Пресняком. Конечно, по образованию я уступал Олегу, но в роте я твердо держал второе место по силовым упражнениям. Мышцы у меня от тяжелой сельской работы вымахали, не обхватишь. Не хвальнось, так и было. Однажды на соревнованиях я вызвал одобрение всех ребят, когда подбрасывал и ловил пудовую гирию. С двухпудовой было тяжелее, но раз десять я ее выжал и получил приз — банку сгущенки. Мы развели ее в большом чайнике кипятком и выпили компанией.

— Умный очень? — сказал я, откладывая пилу. — Если городской да еще десять классов закончил, я для тебя деревня неотесанная? Пойдем, сходим, поговорим.

Выяснять отношения со мной в драке один на один было бесполезно. Я свалил бы его, если не первым, то вторым ударом. Но и трусом Олегу казаться не хотелось.

— Ладно, хватит. У меня тоже имя есть и никакой я не Вещун. Можешь Аликом меня называть.

Подумал я с минуту и протянул руку. Сообразил, что не слишком героическим выглядит мой вызов, если я гораздо сильнее Олега и отмолочу его без особых усилий. В общем, помирились мы и даже подружились. И пилой двуручной научил его работать. Но, забегая вперед, скажу, что крепкой дружбы между мной и Олегом так и не вышло. А то дежурство на кухне закончилось для нас обоих не слишком удачно. Было много работы, правда, и кормили всю смену повара от души. Помню, поужинали мы хорошо, а затем один из поваров вытащил целый таз с вареными мослами.

— Грызите, у кого зубы есть!

Мослы мы грызли с удовольствием, а уже глубокой ночью притащили три мешка картошки, дали ножи, и мы получили задание до утра почистить и помыть ее. Было нас четверо или пятеро, не помню. Наука нехитрая, но не каждый ею владеет. Кто шустро чистит, подправив нож, кто кое-как возится. Олег, что называется, спекся часам к пяти утра. Натер мозоли, стал клевать носом.

— Иди, умойся или походи на морозе, — посоветовали ему, но он с непривычки к однообразной работе буквально засыпал. Нож выронил, с табуретки свалился, потом порезал ладонь, и мы отправили его поспать. Остатки, ведра четыре, почистили сами.

А у меня дня через два разболелся зуб. Ночь не мог спать — такая сильная боль. Взводный отправил меня к врачу. Тот осмотрел рот, взял пинцет и выдернул застрявший глубоко в зубах жилистый разбухший от тепла кусочек мяса.

— Не жадничай в следующий раз, — напутствовал он меня.

Избавившись от боли, я радовался, как никогда в жизни. А с Олегом мы снова поссорились. Из-за стрельбы.

Новый взводный Елагин сильно отличался от простого фронтовика, лейтенанта Морозова, уже наверняка воевавшего, а может, и сложившего голову. Службист! Заставил нас всех постираться, залатать гимнастерки, брюки, ходить только в начищенных ботинках с чистыми обмотками. Спасибо ему, целую неделю долбил взвод, но эти длинные обмотки научил наматывать. А тут как раз погоны получили. Елагин требовал, чтобы пуговицы блестели, а погоны сидели как положено. Мы хоть и бурчали, но, приведя себя в порядок, с удовольствием гляделись в зеркало. Следом за нами подтянулись и другие взводы.

Содержание

Предисловие	5
ЧАСТЬ 1. Снайпер	7
ЧАСТЬ 2. Командир обреченного взвода	137
ЧАСТЬ 3. Штрафная рота	246
Эпилог	318